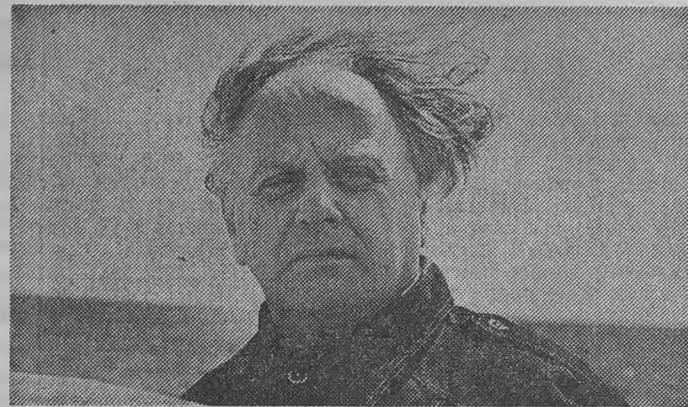

Его песни не умрут

ротка, спят облака, и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука», «С боем взяли мы Орел, город весь прошли» — 1943 г.; «Друзья, люблю я Ленинские горы», «На деревне расставание поют, провожают гармониста в институт» —

Памяти

Евгения Долматовского

1948 г.; «На Волге широкой, на стрелке далекой» — 1949 г.; «За фабричной заставой, где закаты в дыму» — 1953 г.; «Комсомольцы - добровольцы» — 1958 г.; «Я Земля, я своих провожаю питомцев», «Вышла мадьярка на берег Дуная» — 1962 г. Цитирую далеко не всё.

Так это что — формулы нашей духовной жизни или формулы нашей конъюнктуры? Я думаю — первое, хотя, может быть, и не такая крутая и богатая это была духовная жизнь, но — искренняя. И как ни громко звучит — жизнь в а р о д н а я.

И поэтому так обидно становится, когда молодежная газета привычным ныне журналистским стебом пишет на кон-

чину поэта: «Он родился до Октябрьской революции и всю жизнь с кем-то сражался — то с белофиннами, то с фашистами. То просто боролся за мир во всем мире».

Многие годы он был профессором нашего Литературного института. И десятки его учеников, среди которых Евгений Винокуров, Владимир Соколов, Андрей Дементьев, Кирилл Ковальджи, Василий Субботин, Тамара Жирмунская, Надежда Кондакова, Людмила Шипахина, Паруйр Севак (Армения), Тома Джордже Майореску (Румыния), составляют и гордость, и живую душу нынешней русской и не русской поэзии.

Год назад, когда он выходил из дома, его сбила машина. Время какое-то началось — игры и езды без правил. Он поднялся, вернулся домой и пару дней отлеживался. Но он был ответственным человеком, его ждали ученики, он не любил, чтобы делали скидку на его возраст, и пришел в институт на занятия.

Уходя на панихиду, я взглянул не только в томик Долматовского, но и в «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года» знаменитого кельнского слависта Вольфганга Казека. «Службе

партии посвятил Долматовский свое поэтическое дарование». Так ли это? Не знаю. Возможно, и партии — если под партией понимать народ.

Панихида по знаменитому русскому поэту состоялась в Федерации мира и согласия, в той самой, которая когда-то называлась Комитетом защиты мира, где Долматовский многие годы был в руководстве. Удивительно достойная, со знаковыми лицами публика собралась в тот день в этом доме, и удивительно долгой была эта панихида.

Мне почему-то казалось, что не в этом зале должны были собираться люди, мне почему-то казалось, что во Франции или где-нибудь в Бельгии устроили бы всенародные похороны выдающегося национального поэта. Мне во время панихиды становилось немного

горько, и я все время вспоминала, думая о времени, первые слова одной из знаменитых песен Долматовского: «На шахте Кривая Мария недавно случился обвал...» Где-то рухнули коренные пласты жизни, и мы сейчас все вместе со своей прозой, поэзией, культурой пытаемся выкарабкаться из-под обвалов.

Но, впрочем, настроение было не трагическим, потому что, как и в поэзии Долматовского, всё в этом мире должно по законам русской истории закончиться хорошо. И судьбу поэта определять не нам и не сегодняшнему изломанному времени, а, как поется в одной из его народных песен, «Родина слышит, Родина знает...»

Сергей ЕСИН.

Ректор
Литературного института
им. А. М. Горького.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ

Есть в запасе у меня

Перед тем, как навсегда
сойти со сцены,
Я хочу постичь рассудком
тайну ту,
Как взвинтились
обезумевшие цены,
Опрокинув всю Россию
в нищету.

Может быть, экономистам
мудрым ясно,
Что за счеты в демократии
у нас:
В десять раз дороже хлеб
и в тридцать — масло,
Ну а сахар стал дороже
во сто раз.

Как прожить, скажи,
судьба-злодейка!
Все сулит несчастье
и раздор.
Но как прежде принимает
две копейки
Автомат за телефонный
разговор.

На него теперь у нас
одна надежда.
Вот за двушку я твой
номер наберу,
Объясню тебе растерянню
и нежно,
Что стою на перекрестке,
на миру.

Говорю из
телефона-автомата,

Всю последнюю наличность
разменяв.
Понимаешь, мы с тобой
неслыхано богаты:
Две копейки есть в запасе
у меня.

Май 1992 г.

Дальнее плаванье

Эти стихи были задуманы поэтом сразу как песня. Музыку к ним сейчас пишет Оскар Фельцман. Песня, которой суждено было стать одной из последних в творчестве автора, звучит символично: Евгений Долматовский отправился в самое дальнее плаванье. И может быть, и планете № 3661, названной его именем Международным астрономическим союзом в 1992 году.

Как вырваться из
будничных забот
И жизнь начать
сначала!
Представь себе,
что бельй теплоход
Красуется и ждет
нас у причала.

Припев:

Синие гавани,
Пестрые пристани,
Ты убедись, что
дальнее плаванье
Очень похоже на
поиски истины.

Скажу тебе и
говорю себе:

Не поздно стать
счастливым:
В открытом океане,
как в судьбе,
Сменяются приливы
и отливы.

Припев:

Путь через всю планету
по волнам
Все моряки зовут
круизом.
Я уверяю, что
удастся нам
Отчаянному шторму
бросить вызов.

Припев:

Публикацию подготовила
Мирослава
БЕЗРУКОВА-ДОЛМАТОВСКАЯ.